

doi:10.17746/2658-6193.2025.31.1132-1138

УДК [902/904+39] (571.) “653”

А.В. Новиков, Ю.Н. Гаркуша✉

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: garkusha_y@list.ru

Фаунистические образы из материалов Усть-Войкарского городища

В работе впервые публикуется коллекция предметов, изображающих различных представителей фауны (зооморфные, орнитоморфные и ихтиоморфные образы), которые были обнаружены на Усть-Войкарском городище в 2012–2016 гг. Коллекция является одной из наиболее представительных из синхронных поселений Севера Западной Сибири. Значительная часть изображений позволяет идентифицировать представителей фауны. Предметы были обнаружены как на участках межжилищных пространств, так и на площади жилищ. Локации фаунистических фигур на площади жилищ соответствуют участкам, традиционно несущим ритуальную нагрузку в представлениях обских угров. По данным дендрохронологии установлено, что находки относятся к слоям с начала XVI до 1-й трети XVIII в., в более поздних слоях они отсутствуют. Можно предполагать, что рассматриваемые фигурки (или часть их) были связаны с ритуалами «замещения жертвы». Обнаружение фаунистических изображений на Усть-Войкарском городище позволяет экстраполировать ритуал «замещения жертвы» у северных хантов (описанный этнографами для XIX–XXI вв.) на XVI–XVII вв. Отсутствие фаунистических фигурок в слоях XVIII в., возможно, явилось следствием процесса массовой христианизацииaborигенного населения Западной Сибири в XVIII в., сопровождавшегося истреблением культовых мест и их атрибутики.

Ключевые слова. Западная Сибирь, Усть-Войкарское городище, северные ханты, фаунистические изображения, ритуал «замещения жертвы».

Novikov A.V., Garkusha Y.N.✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: garkusha_y@list.ru

Faunal Images from the Ust-Voikar Settlement

For the first time this study presents the collection of artifacts depicting various representatives of the fauna (zoomorphic, ornithomorphic, and ichthyomorphic), which were discovered at the Ust-Voikar settlement during excavations of 2012–2016. The collection of faunal representations from Ust-Voikar is one of the most representative collections known from the contemporaneous sites of Northwestern Siberia. A significant share of the images makes it possible to identify specific animal species. The artifacts were found both between and inside dwelling spaces. The locations of faunal figures in the dwellings corresponded to the areas traditionally associated with ritual functions in the worldview of the Ob Ugrians. Dendrochronological data indicate that all finds belonged to the cultural layers from the early 16th to the first third of the 18th centuries, and were absent from later layers. It may be assumed that these figurines (or some of them) were associated with “substitute sacrifice” rituals. The discovery of faunal images at Ust-Voikar makes it possible to expand the practice of “substitute sacrifice” among the Northern Khanty, described by ethnographers for the 19th–21st centuries, back to the 16th–17th centuries. Absence of such figurines in the layers of the 18th century most likely resulted from mass Christianization of the indigenous population of Western Siberia, which was accompanied by search and destruction of cultic sites and ritual paraphernalia.

Keywords: Western Siberia, Ust-Voikar settlement, Northern Khanty, faunal images, “substitute sacrifice” ritual.

Введение

Усть-Войкарское городище является одним из крупных поселенческих объектов с мерзлым культурным слоем Севера Западной Сибири и относится к эпохе позднего Средневековья – начала Нового времени. Памятники такого типа обладают исключительным информационным потенциалом благодаря сохранности предметов из органического сырья, что по сути позволяет отнести их к палеоэтногра-

фическим объектам. По данным дендрохронологии, поселение функционировало с рубежа XIII–XIV вв. по второй половины XVIII в. [Гурская, 2008]. Жилища, в которых обнаружены фигуры, были сооружены в период с последней трети XV до середины XVIII в. [Гаркуша, 2023, с. 13–14]. Проживавшее здесь население характеризуется как угро-самодийское с присутствием коми-зырянского компонента [Мартынова, 1998, с. 82; Перевалова, 2004, с. 231–233].

Рис. 1. Усть-Войкарское городище. Изделия с оформленными фаунистическими образами (1–3) и фигуры оленей (4–12).
1 – рог; 2–11 – дерево; 12 – береста.

В ходе работ 2012–2016 гг. на поселении было обнаружено ок. 50* предметов, изображающих представителей фауны (зооморфные, орнитоморфные и ихтиоморфные образы). Большинство предметов – из дерева, 4 экз. – из других материалов (бересты, рога, листового железа и отливка из свинца или олова). В коллекции представлены три утилитарных предмета, на которых в качестве элемента декора присутствуют зооморфные образы. Зооморфные образы из раскопок поселения 2003–2008 гг., частично представлены в электронном каталоге Окружного музеяно-выставочного комплекса им. И.С. Шимановского (г. Салехард).

Описание коллекции

Деревянные фигуры образуют две группы: плоские и объемные изделия. Первые вырезаны из тонких дощечек (63 %); для вторых использовали заготовки

с округлым сечением (палочки) и относительно массивные куски дерева. Степень стилизации образов варьирует от схематичных до реалистичных.

Плоские изделия представляют схематичные изображения, как правило, полного силуэта. В единичных случаях выделены глаза и рот. В редких случаях присутствуют декоративные элементы из насечек. На единичных предметах выполнено сквозное отверстие диаметром не более 0,5 см.

Среди объемных скульптур значительную часть составляют изделия на основе заготовок с округлым сечением (палочках с диаметром сечения до 2 см), где смоделированы голова и шея. Остальная часть туловища обстругана. Доля орнаментированных изображений среди этой группы незначительна.

Изделия, в оформлении которых использованы фаунистические образы, в коллекции единичны. Они могут являться частями (рукоятями) ритуальных посохов (по крайне мере, два из них), в оформлении которых в одном случае использован образ водоплавающей птицы (рис. 1, 2), в другом – голова животного

* За исключением фигур, связываемых с игрой «тось-чер-вой», не рассматриваемых в данной статье.

(рис. 1, 3). Интерпретируемые подобным образом изделия известны в материалах Надымского городка [Кардаш, 2009, с. 277, рис. 3.81]. Еще одно изделие выполнено из рога (рис. 1, 1).

Большая часть фигур имеет черты, позволяющие идентифицировать представителей фауны. На основе внешних признаков нами предложена классификация рассматриваемых изображений. Выделен ряд групп изображений: зооморфные, соотносимые с определенными млекопитающими животными (олени, медведи, хищники (пушные?)); орнитофауна; ихтиофауна. Часть фигур сложно идентифицировать по причине стилизации или их фрагментации. Следует отметить, что в рассматриваемой коллекции отсутствуют синкетичные образы, сочетающие признаки разных животных.

Зооморфные изображения

Изображения оленей (9 экз.). По манере изображения фигуры можно представить двумя подгруппами.

Для первой подгруппы использована округлая в сечении палочка. В этой подгруппе, несмотря на сходство в стиле исполнения, можно выделить два типа. Оба типа имеют сопоставимые размеры ($9-18 \times 1,7-4,5$ см).

Тип 1 – сильно стилизованные фигуры, выполненные на круглой основе. У фигур выделены лишь удлиненные вытянутые вперед шея и голова, условное туловище – обструганная со всех сторон палочка (рис. 1, 4, 5).

Фигуры 2 типа имеют подтеску по бокам туловища, обладают более реалистичными пропорциями, также могут быть выделены загривок, хвост; на тулове может присутствовать орнамент в виде косой решетки и миниатюрное отверстие на боку. У обоих типов отсутствуют изображения глаз, рта, ушей (рис. 1, 6–8).

Оба типа соотносятся со слоями XVI–XVII вв., но фигуры второго типа чаще встречаются в ранних слоях (последняя треть XV – первая половина XVI в.). Близкие по манере исполнения фигуры оленей первой подгруппы обнаружены в Надымском и Полуйском мысовом городках [Кардаш, 2009, с. 276, рис. 3.80, 1–3; Кардаш, 2013, с. 270, рис. 3.52, 6–9].

Вторая подгруппа представлена близкими по манере исполнения реалистичными силуэтами (рис. 1, 10–12), выполненными на плоской основе (отличия могут быть в пропорциях, одна фигура вырезана из бересты).

Изображения медведей в статичной позе (5 экз.)

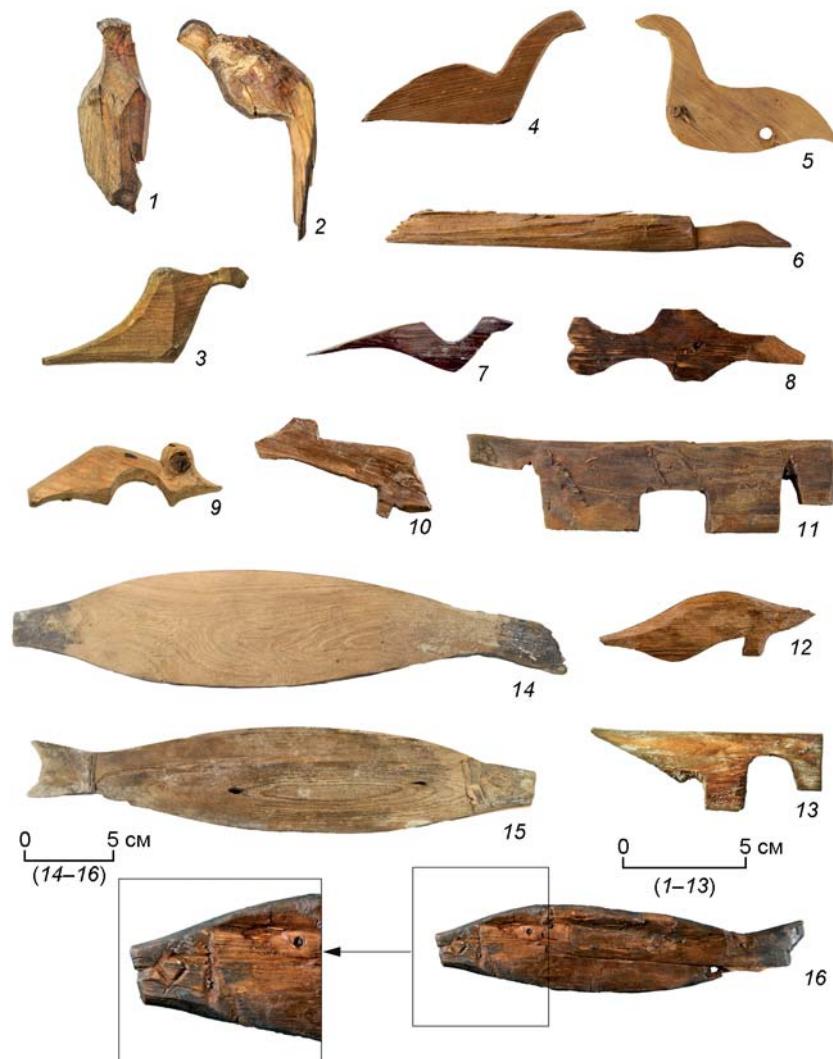
1. Миниатюрная ($6 \times 2,5$ см) скульптура стоящего на четырех лапах медведя (рис. 2, 1). Корпус выполнен схематично, но с сохранением пропорций, соответствующих животному; на короткой шее – голова с заостренной мордой и ушами, формой, близкой к треугольной. Шея вытянута, голова устремлена вперед. Предмет обнаружен в слое последней трети XV – первой трети XVI в.

2. Фигура (10×3 см), вырезанная из дощечки, изображение передано в «распластанном» стиле (рис. 2, 5). Крупная удлиненная голова с ушами и прямым окончанием морды, короткий хвост с

Рис. 2. Усть-Войкарское городище. Изображения медведя (1–5), бобра (6), хищных зверей (7–9), фигуры с антропоморфной лициной (10).

1, 2, 4–7, 9, 10 – дерево; 3 – свинец (?); 8 – железо.

Рис. 3. Усть-Войкарское городище. Орнитоморфные фигуры (1–6, 8), неатрибутированные фаунистические изображения (7, 9–13), фигуры рыб (14–16). Все предметы выполнены из дерева.

подтреугольным окончанием – эти признаки позволили предположить, что перед нами изображение медведя. Фигура обнаружена в слое 2-й половины XVI – начала XVII в.

3. Голова медведя (возможно, часть фигуры) на удлиненной шее, треугольным вырезом передан рот, обозначены уши, глаза не показаны (рис. 2, 2). Изображение напоминает голову белого медведя. Предмет обнаружен в слое первой половины XVI в.

4. Стилизованная миниатюрная ($2,4 \times 3$ см) фигура медведя (?) – отливка из белого металла (свинец или олово) (рис. 2, 3). Обнаружена в слое не ранее XVIII в.

5. Крупная ($23 \times 6\text{--}7$ см) реалистично выполненная скульптура медведя на четырех лапах (рис. 2, 4). Окончание морды заужено; показаны нос, рот, глаза, уши. На спине животного прорезан орнамент в виде решетки; возможно, таким образом обозначено жертвенное покрытие. С внутренней стороны шеи выполнен желоб. Пропорции фигуры придают ей сходство с белым медведем. Предмет обнаружен в слое второй половины XVI – первой половины XVII в.

Изображение бобра

Крупная ($21 \times 6,5$ см) фигура бобра вырезана из дощечки (рис. 2, 6). Изображение выполнено в «красно-пластанной» манере. Использованы насечки, образующие елочный орнамент, покрывающий хвост, конечности и участки туловища между ними, шею и окончание морды. В центре фигуры – крупный ромб, разделенный на сектора. Ромб нанесен и на голове животного; от линий ромба, обращенных к окончанию «морды», отходят по одному короткому отрезку, видимо, имитирующим глаза. Еще один ромб нанесен на хвосте. Предмет обнаружен в слое первой половины XVI в.

Изображения пушных животных

Три фигуры могут изображать хищных (пушных?) животных (рис. 2, 7–9). Это плоские фигуры, одна из которых выполнена из железа. Деревянные предметы обнаружены в слоях первой половины XVI в. Желез-

ная, хвостовая часть которой выполнена как крючок для подвешивания, – в слое второй половины XVIII в.

Орнитоморфные изображения (9 экз.)

Среди них можно выделить две группы, отличающиеся по морфологии.

Группа 1 – небольшие фигуры ($8\text{--}9 \times 3\text{--}4$ см по тулowi), выполненные в идентичной манере. Это плоские изображения, вероятно, водоплавающих птиц, судя по их вытянутым шеям и ровному низу (птица находится в воде). Часть из них имеют по мелкому отверстию (рис. 3, 4, 5). Предметы встречены в слое первой половины XVI в.

Группа 2 – объемные скульптуры, каждая из которых выполнена в оригинальной манере. Изображения напоминают боровых птиц (рис. 3, 1–3). Если для двух фигур принадлежность к пернатым выражена схематично, то фигура со свисающим хвостом (рис. 3, 1) достаточно реалистично передает изображение сидящей боровой птицы.

В иных стилях выполнены еще две плоских фигуры. Одна показывает птицу в полете с раскинутыми

крыльями (рис. 3, 8). Другая является парциальным изображением (смоделированы голова и шея), выполненным на палочке (рис. 3, 6). Предметы встречены в слоях XVI–XVII вв.

Ихтиоморфные изображения (9 экз.; рис. 3, 14–16)

Это крупные фигуры (в среднем 20–30 × 5–7 см; часть из них представлены фрагментами хвостовой части), вырезанные из дощечек в едином стиле. Они достаточно реалистично передают силуэт рыб. У ряда фигур переданы глаза и рот (с обеих сторон), прочерченными линиями от туловища отделены голова и хвостовой плавник. Исходя из удлиненных пропорций фигур, выделением резчиками головы, как бы выступающей относительно туловища, наличием характерного «горба» сразу за головой, можно предположить, что это фигуры муксун или щекура, которые также имеют крутой подъем спины сразу за головой.

Изображения рыб, для которых был установлен хронологический контекст (а это большая часть предметов), находились в слоях конца XV – первой половины XVI в.

Неатрибутированные изображения

Часть изображений имеют явное сходство с млекопитающими (рис. 3, 9–13), для других фигур возникают ассоциации с птицами (рис. 3, 7).

Выделим фигуру, которая первоначально ассоциировалась с птицей (рис. 2, 10). Позднее было выявлено, что на плоскости фигуры, считавшейся ранее частью хвоста, в нижней его части нанесена антропоморфная личина. По сути, это изображение антропоморфа в сидящем положении, ноги которого показаны двумя рогообразными выступами на противоположном от расположения личины торце фигуры. Фигуры в таком стиле редки, но они известны в материалах Надымского и Полуйского городков [Кардаш, 2009, р. 3.77, 1, 5, 6; Кардаш, 2013, р. 3.51, 5]. Предмет обнаружен в слое первой половины XVI в.

Контекст расположения находок

Около половины фигурок происходят из межжилищного пространства, остальные находились в постройках, отнесенных по наличию очага к жильям. Количество фигур, обнаруженных в заполнении жилых помещений, невелико – обычно 1–2 предмета, в некоторых жилищах они отсутствовали.

Наиболее показательные примеры распределения предметов по различным участкам жилища получены для каркасно-столбовых построек большой площади. Это дома площадью ок. 42–49 м², в которых выделяются основные структурные элементы пространственной организации жилища. Такие дома имеют

значительное сходство с постройками, изначально описанными по материалам Надымского городка. Их основными чертами являются огороженное (как правило) центральное отапливаемое помещение, центральное размещение открытой очажной конструкции, «галерея» – проход, образованный внешними стенами жилища и ограждением центрального помещения [Кардаш, 2009, с. 56–57]. Планиграфия такого типа жилищ на памятнике сохранялась веками, до той поры, когда они стали заменяться близкими по площади и интерьеру срубными жилищами.

Наиболее наглядно особенности распределения фаунистических фигур на городище, как и в случае с антропоморфной скульптурой [Гаркуша, Новиков, Бауло, 2024], прослеживаются на примере ярусно расположенных построек 7/1 и 7/2, с которыми связано 36 % фигур из рассматриваемой коллекции. Эти жилища относятся к охарактеризованному выше типу с аналогичной структурой. Время их бытования охватывает период с начала XVI до конца первой трети XVIII в. Последний ярус в эволюции данных построек представлен срубным строением конца 1-й половины XVIII в., но сохранившем особенности внутренней планировки предшествующих жилищ. Значительная часть фигур обнаружена в слоях постройки 7/2, относящихся к XVI в. В то же время в срубе было обнаружено всего две фигуры: фигура оленя из бересты (рис. 1, 12) и железная фигура хищника (рис. 2, 8).

Фигуры были рассредоточены по разным участкам «галереи», в центральном помещении обнаружен лишь один предмет. Треть предметов из обнаруженных в «галерее» концентрируются в ее серединном участке, расположенном напротив входа в жилище. В этом месте «галереи» неоднократно были встречены предметы, отличающиеся художественной выразительностью, используемые в ритуалах. В частности, берестяная маска, деревянные модели клинового оружия, вотивные предметы, скопления предметов «тось-чер-вой», антропоморфные фигуры. В этой части также находились изображения рыб (рис. 3, 15), скульптуры медведя (рис. 2, 4) и бобра (рис. 2, 6).

Другой локацией, в которой обнаружено скопление зооморфных фигур, является очажная деревянная конструкция в постройке 7/2. Она имеет вид прямоугольной рамы с организованными посредством перегородки двумя функциональными зонами: кострищем и небольшим «хозяйственным» участком. Фигуры находились в «хозяйственной» зоне: три изображения рыб (только одно из них фрагментировано и обожжено) (рис. 3, 14) и роговое изделие с зооморфным навершием (рис. 1, 1).

Обращает внимание, что перечисленные локации с концентрацией фаунистических фигур, соответствуют участкам жилища обских угров, традиционно несущим ритуальную нагрузку, как это было уста-

новлено И.Н. Гемуевым по материалам XVII–XX вв. [Гемуев, 1990, с. 23–28]. Вероятно, именно эта часть дома использовалась для хранения предметов, используемых при отправлении различных ритуалов. При этом, и в «хозяйственном» отсеке очага, помимо кухонной утвари, были обнаружены антропоморфные изображения, наконечники стрел и их модели, фигуры «гость-чер-вой».

В целом, помимо перечисленных, на площади построек 7/1–7/2 обнаружены еще восемь других изображений представителей фауны.

Ярусную застройку от сруба постройки 7 до ранней из исследованных 7/2 можно воспринимать как относительно закрытые комплексы. Распределение во времени и пространстве фаунистических изображений в этих жилищах показывает уменьшение числа таких предметов к концу XVII в. Такие наблюдения справедливы и для антропоморфной скульптуры. Суммарно, в данном комплексе построек в слоях с начала и до середины XVIII в., времени, после которого активная деятельность на поселении прекращается, обнаружено только три предмета объемного искусства. Вряд ли причины такой динамики были случайны. Полагаем, это явилось одним из следствий процесса массовой христианизации населения Западной Сибири в XVIII в., сопровождавшегося и истреблением рода культовых мест, и их атрибутов [Перевалова, 2004, с. 65–72].

Коллекция фаунистических образов Усть-Войкарского городища позволяет предположить, что к XVI–XVII вв. у населения Севера Западной Сибири уже были выработаны близкие стилистические приемы в изготовлении фигур животных, птиц и рыб, для которых, видимо, предполагалось относительно массовое применение в качестве предмета для игры или определенных ритуалов. Например, к таким стилистически стандартизованным группам фигур можно отнести схематичные изображения оленей, выполненных на круглой основе и плоские изображения водоплавающих птиц и рыб. Наличие аналогичных образов, выполненных в таком же стиле, в материалах Надымского городка свидетельствует об их широком распространении среди населения Севера Западной Сибири в XVI–XVII вв.

Предназначение рассмотренных фаунистических изображений из Усть-Войкарского городища может быть лишь гипотетическим и не быть единственным для всех типов. Традиция создания небольших фигурок животных у обских угров зафиксирована этнографами в XIX–XXI вв. На основании своих полевых наблюдений, а также используя материалы А. Каннисто и других исследователей, А.В. Бауло подробно описал традицию «замещения жертвы» у северных групп хантов и манси. Оно «...происходило в случае болезни человека, при отсутствии в хозяйстве животного и при неудаче в охотничье промысле. Вместо животных семейным духам-покровителям манси и

ханты подносили их фигурки – коня, олена, коровы, овцы, петуха» [Бауло, 2018, с. 122]. Можно предполагать, что и рассматриваемые нами фигурки (или часть их) была связана с ритуалами «замещения жертвы». Если это так, то обнаружение фаунистических изображений на Усть-Войкарском городище позволяет экстраполировать ритуал «замещения жертвы» у северных хантов на XVI–XVII вв.

Благодарности

Работа выполнена по проектам НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0013 «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков» (Новиков А.В. – типологический и семантический анализ артефактов) и № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкция историко-культурного прошлого» (Гаркуша Ю.Н. – дендрохронологический анализ, анализ хронологического и пространственного распределения артефактов).

Список литературы

Бауло А.В. Традиция замещения жертвы у обских угров в XX – начале XXI века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 3. – С. 122–128.

Гаркуша Ю.Н. Хронология и архитектурно-пространственная организация Усть-Войкарского городища (субарктическая зона Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук – Новосибирск, 2023 – 26 с.

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В., Бауло А.В. Антропоморфная миниатюрная скульптура с Усть-Войкарского городища: хронология, контекст, семантика // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – Т. 52, № 2. – С. 108–118.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 212–231.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.

Кардаш О.В. Полуйский мысовый городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 379 с.

Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1998. – 235 с.

Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – 414 с.

References

Baulo A.V. Substitute Offering: An Ob Ugrian Ritual Tradition Surviving in the 20th and Early 21st Century.

In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018. Vol. 46, No. 3. P. 122–128.

Garkusha Y.N. Khronologiya i arkhitekturno-prostranstvennaya organizatsiya Ust'-Voikarskogo gorodishcha (subarkticheskaya zona Zapadnoi Sibiri): cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2023. 26 p. (In Russ.).

Garkusha Y.N., Novikov A.V., Baulo A.V. Miniature Anthropomorphic Sculptures from Ust-Voikary: Chronology, Context, Semantics. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2024. Vol. 52, No. 2. P. 108–118.

Gemuev I.N. Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos. Novosibirsk: Nauka, 1990. 232 p. (In Russ.).

Gurskaya M.A. Dendrokronologicheskaya datirovka arkheologicheskikh obraztsov drevesiny gorodishcha Ust'-Voikarskogo (Severo-Zapadnaya Sibir'). In *Fauna i flora Severnoi Evrazii v pozdnem kainozoe*. Yekaterinburg; Chelyabinsk: Rifei, 2008. P. 212–231. (In Russ.).

Kardash O.V. Nadymskii gorodok v kontse XVI – pervoi treti XVIII vv.: Istoriya i material'naya kul'tura. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan, 2009. 360 p. (In Russ.).

Kardash O.V. Poluiskii mysovai gorodok knyazei Taishinykh. Yekaterinburg; Salekhard: Magellan, 2013. 379 p. (In Russ.).

Martynova E.P. Ocherki istorii i kul'tury khantov. Moscow: IEA RAS Publ., 1998. 235 p. (In Russ.).

Perevalova E.V. Severnye khanty: etnicheskaya istoriya. Yekaterinburg: UrB RAS Publ., 2004. 414 p. (In Russ.).

Гаркуша Ю.Н. <https://orcid.org/0000-0002-0935-0213>
Новиков А.В. <https://orcid.org/0000-0002-6418-1061>

Дата сдачи рукописи: 18.09.2025 г.